

Глава 1. Голос флейты с далёких гор

Эпоха Хэйан — туманное, далёкое, но исполненное таинственного изящества время.

За воротами Цутимикадо стояла деревянная усадьба в танском стиле. На её воротах красовались две приметные пятиконечные звезды — защитные знаки-пентаграммы.

В саду буйствовала дикая зелень. Никто не подстригал ветвей, не ровнял дорожек; природа правила здесь сама, свободная в своём первозданном виде.

Перед внешней галереей дома росла древняя сакура. Время её цветения давно миновало, однако на узловатых ветвях всё ещё держались редкие нежно-розовые лепестки.

Поговаривали, будто в этой усадьбе даже среди бела дня творились невероятные вещи, а в тёмных углах прятались сикигами — послушные воле хозяина духи. Во всём огромном Хэйан-кё едва ли нашлось бы несколько человек, способных подчинить себе подобные создания. Но для хозяина этого дома, Абэ-но Сэймэя, рождённого, по слухам, от белой лисицы, величайшего из мастеров Инъ-Ян, повелевать ими было делом привычным.

Здесь, на окраине столицы, и находилось его пристанище.

В ту ночь луна сияла в вышине, чистая и холодная, словно полированный нефрит.

Абэ-но Сэймэй полулежал на деревянном настиле галереи, небрежно держа в пальцах чарку с вином. Он полуприкрыл глаза.

Минамото-но Хиромаса, придворный третьего ранга, сидел напротив, с нескрываемым замешательством разглядывая друга.

Рядом, поджав под себя ноги, чинно устроилась сикигами Мицумуси. Она то и дело бесшумно подливала прозрачное саке в их плоские пиалы.

— Сэймэй, у тебя что-то стряслось? — наконец не выдержал Хиромаса. — Весь вечер ты молчишь, только вино пьёшь. На меня даже не взглянул ни разу.

Сэймэй едва заметно улыбнулся. Он приоткрыл глаза и тихо вздохнул.

— Да нет, ничего особенного, — мягко ответил он. — Просто на душе как-то беспокойно. Думаю, не покинуть ли мне на время столицу, чтобы развеяться.

Хиромаса вздрогнул и порывисто схватил Сэймэя за широкий рукав тонкого домашнего платья.

— Куда это ты собрался? Позволь мне пойти с тобой! Одного я тебя ни за что не отпущу, сердце будет не на месте!

Сэймэй чуть приподнял бровь. Он лукаво усмехнулся и пристально посмотрел на гостя.

— Вот как? Неужели ты и на шаг не можешь от меня отступить, Хиромаса?

Сэймэй не выдержал и звонко рассмеялся. В этом смехе, в изгибе его плеч и тонких пальцев сквозило такое неуловимое, почти лисье изящество, что Хиромаса замер, заворожённый. Он долго не мог вымолвить ни слова, глядя на друга широко раскрытыми глазами. Поняв наконец, что сморозил глупость, придворный смутился и лишь неловко захихикал вслед за Сэймэем.

Мицумуси, заметив замешательство гостя, поспешно опустила голову и прикрыла рот широким рукавом, пряча улыбку. Сэймэй бросил на неё притворно-строгий взгляд.

Хиромаса почувствовал, как к щекам приливает жар, и густо покраснел от стыда за собственную неловкость.

Лёгкий порыв ветра всколыхнул ночной сад. С ветвей древней сакуры сорвалась лавина лепестков. Они закружились в воздухе, словно розовые метелицы, стремясь коснуться сияющего лика луны.

Хиромаса поднялся и сошёл по ступеням в сад. Залюбовавшись этой ночной пляской, он мгновенно позабыл о смущении.

— Сэймэй, взгляни! Какая красота... Цветы кружатся, точно живые!

Сэймэй накинул на плечи просторную каригину, которую заботливо подала ему Мицумуси, и неторопливо сошёл в сад. Встав бок о бок с Хиромасой, он долго смотрел на летящие лепестки, серебриющиеся в лунном свете, а затем негромко произнёс:

— Похоже, время пришло.

Хиромаса недоумённо обернулся к нему:

— О чём ты, Сэймэй? Какое время?

Тот лишь загадочно покачал головой и уклонился от ответа.

— Да так, пустяки.

Хиромаса успокоился и вновь устремил взгляд на кружащиеся лепестки.

«Похоже, над Хэйан-кё снова сгущаются тучи...»

Смутная тревога шевельнулась в груди.

Минуло три дня. Наступили сумерки — тёплые, напоённые золотым закатным светом.

Сэймэй дремал, прислонившись к деревянному столбу галереи. Последние лучи заходящего солнца ложились на его белую каригину, окрашивая шёлк в багрово-золотые тона.

Мицумуси сидела неподалёку. Она то и дело бросала взгляды на неподвижного хозяина, словно хотела о чём-то спросить, но не решалась нарушить его покой.

Сэймэй, не открывая глаз, вдруг усмехнулся:

— Слышишь, Мицумуси? Откуда-то издалека доносится музыка.

— Да, господин, я тоже её слышу, — тихо отозвалась сикигами. — Необычайно нежный напев. Вот только... что это за инструмент? На флейту господина Хиромасы совсем не похоже.

Мицумуси подпёрла щеку ладонью, вслушиваясь в тающие в воздухе переливы. Сэймэй промолчал, лишь загадочно улыбнулся.

— И всё-таки странно, — продолжила Мицумуси. — Господин Хиромаса не появлялся здесь уже три дня. Неужели вы поссорились? Или, может...

Сэймэй резко открыл глаза и выпрямился, прерывая её расспросы:

— Это сяо. Продольная флейта, пришедшая к нам из Великой Тан. Скажи лучше, не замечала ли ты в столице чего-нибудь странного за эти дни?

Мицумуси послушно закивала:

— Да, господин. В последнее время с наступлением темноты у ворот Цутимикадо собирается множество кошек. Они бродят вокруг и жалобно мяукают. Но... разве это как-то связано с

господином Хиромасой?

Сэймэй жестом велел ей замолчать.

— Когда стемнеет, понаблюдай за ними. Посмотри, куда они устремляют взгляды, куда уходят. И главное — не появится ли рядом с ними кто-то чужой.

— Будет исполнено, хозяин, — кивнула сикигами, хотя на её лице по-прежнему читалось недоумение.

Сэймэй поднялся и направился к выходу из усадьбы.

— Пойду разузнаю, кто этот безвестный музыкант. Ты оставайся здесь.

— Берегите себя, господин.

«Да что же здесь происходит? — гадала Мицумуси, оставшись в одиночестве. — Между хозяином и господином Хиромасой явно пробежала чёрная кошка... Да и эти кошачьи сборища у ворот, и печальный голос танской флейты...»

Но как ни пыталась она связать всё это воедино, мысли её путались.

Хиромаса всегда был человеком увлекающимся — до безумия преданным и друзьям, и искусству.

К Сэймэю он не заглядывал действительно три дня. А началось всё с того вечера, когда Хиромаса, предвкушая приятную беседу, ехал в своей бычьей повозке к усадьбе на Цутимикадо. В повозке лежали кувшины с отличным вином и свежевывловленная сладкая рыба-аю.

«Впереди уже мост Итидзё Модорибаси, — Хиромаса тихо усмехнулся собственным мыслям. — Сикигами, что живёт под мостом, наверняка уже нашептал Сэймэю о моём приближении. Сэймэй точно успел приготовить закуску к вину»

Эта мысль заставила Хиромасу невольно улыбнуться.

Вдруг до его слуха донеслись звуки музыки. Невесомые, точно струйка дыма на ветру, они околдовывали разум, заставляя забыть обо всём на свете.

— Стой! — крикнул Хиромаса.

Повозка резко остановилась. Его верный слуга Тосихиро удивлённо обернулся к господину:

— Господин Хиромаса, до моста Итидзё Модорибаси рукой подать. Почему мы встали? У вас будут какие-то приказания?

— Слышишь этот напев, Тосихиро? Божественно! Я должен узнать, кто рождает эти звуки!

— Но... как же господин Сэймэй? Он ведь ждёт вас.

Тосихиро только покачал головой, провожая взглядом господина, который уже скрылся в сумерках, идя на звук.

Там, на склоне холма, в продуваемой ветрами соломенной беседке стоял юноша в белоснежных одеждах и самозабвенно играл на флейте. Переливы мелодии то приближались, то затихали в отдалении. Белый шёлк одеяний юноши трепетал на ветру, и Хиромаса застыл на месте, покорённый этим зрелищем.

«Какое чудо... Неужели это и есть знаменитая продольная флейта из Великой Тан?»

Очарованный до глубины души, он медленно подошёл к беседке.

— Ваш напев прекрасен, сударь, — вежливо произнёс Хиромаса, склонившись в поклоне.

Юноша оторвался от флейты, одарил его мягкой улыбкой и поклонился в ответ.

Он был на редкость хорош собой — стройный, точно молодое деревце, с длинными волосами чернее воронова крыла, стянутыми у затылка шёлковой лентой и скрепленными нефритовой шпилькой. Его просторные одежды, скроенные по танской моде, казались чище свежавывающего снега. В длинных, бледных пальцах он держал флейту из белого нефрита.

«Каков юноша... В его облике нет той лукавой, лисьей грации, которой наделён Сэймэй, но он кажется небожителем, случайно спустившимся на землю. А уж как играет на своей флейте!»

Хиромаса окончательно потерял голову от восторга.

— Вы чем-то напоминаете мне одного моего близкого друга, — простодушно заметил он.

— Уж не о величайшем ли мастере Инь-Ян столицы, господине Абэ-но Сэймэе, вы говорите, господин Минамото-но Хиромаса? — с улыбкой спросил юноша, поправив выбившуюся прядь

волос.

Хиромаса изумлённо воззрился на незнакомца:

— Откуда вам ведомо моё имя? И неужели вы знакомы с Сэймэем? У вас тоже есть сикигами, которые нашептывают тайны этого мира?

Юноша негромко рассмеялся, ласково глядя на простодушного воина:

— Что вы, я вовсе не мастер Инь-Ян. Лишь скромный странник, путешествующий по чужим краям в поисках красивых созвучий. Сикигами у меня нет. Но кто в Хэйан-кё не знает благородного господина Хиромасу, лучшего музыканта столицы? И, конечно, всем известно о вашей крепкой дружбе с Абэ-но Сэймэем. Я прибыл из Великой Тан, но тоже всем сердцем предан музыке. Эта флейта из белого нефрита — моё сокровище. Почту за честь, если вы согласитесь послушать её голос.

Хиромаса просиял:

— О, это было бы величайшей радостью для меня! Прошу вас, сыграйте!

Юноша кивнул, поднёс холодный нефрит к губам и заиграл. Звуки взмывали ввысь и падали ниц, увлекая за собой душу слушателя, заставляя его забыть обо всём земном. Хиромаса стоял неподвижно, затаив дыхание.

Наконец напев растаял в сумерках. Юноша опустил флейту и с улыбкой посмотрел на гостя:

— Я слышал, у вас есть легендарная флейта Лист-два, которой нет равных среди людей. Не согласитесь ли вы сыграть для меня?

— Вы говорите о Лист-два? — Хиромаса коснулся пальцами висевшего у пояса тёмного инструмента с двумя алыми отметинами.

— Именно о ней. Сделайте милость, господин, разгоните мою дорожную скуку.

— Что ж, я попробую. Не судите строго мою простую игру.

Прижав флейту к губам, Хиромаса извлёк первый звук. Голос Лист-два поплыл над холмами — чистый, глубокий, но исполненный затаённой печали...

И все эти три дня на закате таинственный юноша ждал его в беседке у дороги, а Хиромаса, словно заговорённый, послушно шёл на звуки его флейты, напрочь забыв о визитах к

Сэймэю.

В тот вечер Сэймэй сам отправился на поиски музыканта. Ещё издали он заметил Хиромасу, который с отрешённым видом сидел в беседке, внимая чарующей игре незнакомца.

«До чего же этот увалень падок на красивую музыку...»

Сэймэй покачал головой, но шаг его стал быстрее.

«Сразу видно — чужестранец. Одевания танские... Но держится с достоинством, и изящества ему не занимать. И что же так пленило моего простодушного друга — этот сладкий напев или сам музыкант?»

От этой мысли в груди Сэймэя шевельнулось глухое раздражение. Он беззвучно прошептал слова заклинания:

— Заклятие пяти звуков и пяти цветов! Очнись, Хиромаса!

Хиромаса, пребывавший в полузабытьи, вздрогнул. Перед его глазами на миг потемнело, в ушах раздался пронзительный свист, и дурман мгновенно рассеялся.

Белый шёлк одеяний юноши замер. Он опустил флейту и едва заметно усмехнулся. Обернувшись, он с любопытством уставился на Сэймэя:

— Поговаривают, будто Абэ-но Сэймэй не только искуснейший мастер Инь-Ян, но и первый красавец столицы. Что ж, слухи не лгали. Ваша сила воистину велика — так легко разрушить чары моей «Мелодии пяти тонов, пленяющей сердце». Да и ликом вы прекрасны, спору нет.

— Твоя игра действительно искусна, — холодно отозвался Сэймэй, скользнув взглядом по виноватому лицу Хиромасы. — Только мелодия эта не просто пленяет сердца, она крадёт души и лишает жизни. Неудивительно, что господин Хиромаса три дня кряду не мог прийти до моего дома.

Хиромаса густо покраснел. Ему было невыносимо стыдно перед другом. Пропадать три дня у самых его ворот и даже не дать о себе знать — глупее положения и не придумаешь.

— Что ж, не смею мешать вашей встрече после долгой разлуки, — с лёгким смешком проговорил юноша, делая шаг к Сэймэю. Проходя мимо, он тихо шепнул ему на ухо: — А сын белой лисицы и впрямь на редкость притягателен...

Голос его был едва слышным, но Сэймэй уловил каждое слово.

— Ха-ха-ха! — весело рассмеялся незнакомец и, взмахнув широкими рукавами, устремился вниз по тропинке, мгновенно растворившись среди деревьев.

Сэймэй долго смотрел ему вслед, а затем негромко произнёс:

— Зачем он явился сюда? Неужели он как-то связан с кошачьими духами...

Услышав это, Хиромаса мигом подскочил к другу:

— Сэймэй, что за кошачьи духи? Расскажи мне скорее! Я не позволю тебе разбираться с ними в одиночку. Мы ведь вместе храним покой Хэйан-кё! Что бы ни случилось, я буду рядом.

Сэймэй посмотрел на его встревоженное, честное лицо. Злость прошла, уступив место мягкой иронии.

— Хорошо, Хиромаса. Давай вернёмся на галерею, выпьем вина, и я обо всём тебе поведаю.

— Вот и отлично! Мы должны действовать сообща, плечом к плечу!

— Ха-ха... — Сэймэй прикрыл лицо веером-летучей мышью, пряча смех.

— Ну вот, ты снова надо мной потешаешься! — обиженно буркнул Хиромаса. — Я ведь совершенно серьёзно! Я придворный третьего ранга, доблестный воин, а ты вечно держишь меня за труса!

— Вовсе нет, Хиромаса. Я просто радуюсь, что у меня есть такой надёжный защитник, — мягко ответил Сэймэй, и глаза его потеплели.

— И всё-таки ты надо мной смеёшься... — продолжал ворчать Хиромаса, плетясь следом.

— Если тебе так нравится думать, стой здесь и дуйся. А я возвращаюсь домой, — Сэймэй с улыбкой повернулся и зашагал по тропе к Цутимикадо.

— Эй, Сэймэй! Подожди! — крикнул Хиромаса и, прибавив шагу, поспешил догнать друга.

На город спускались тихие сумерки. Тёплый вечерний ветер шелестел в листве сакур, и последние отблески заката медленно угасали за холмами, обещая покой... Но покой этот был обманчив.

<http://bllate.org/book/20464/2112935>